

Слово същика

НИКОЛАЙ ЖИВОТОВ

УБИЙЦА

Слово сыщика

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ж67

Серия «Слово сыщика»

Выпуск 6

Оформление обложки *Натальи Байдаковой*

Животов, Николай Николаевич

Ж67 Убийца / Николай Животов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 480 с. — (Слово сыщика).

ISBN 978-5-17-112342-0

Макарка-душегуб в очередной раз сбегает от правосудия и исчезает. Зато вскоре в Петербурге появляется некий зажиточный купец Куликов, который открывает питейное заведение... Там, где Куликов, — интриги, разбой, шантаж, убийства... Перед ним пасуют даже самые жестокие представители уголовного мира. Лютые злодеяния, пороки, разгул сопровождают жизнь опустившихся обитателей столичных трущоб...

В романе известного петербургского писателя Николая Животова (1858–1900) описываются жестокие тайны уголовного мира Петербурга в конце XIX века.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-112342-0

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог

В полторацком флигеле знаменитой Вяземской лавры, в квартире без окон, никогда не выдавшей дневного света, занимал угол молодой еще парень, лет двадцати шести, с рябым от оспы лицом, широкими раздутыми ноздрями, круглыми навывкате глазами и всклокоченной войлоком головой. Огромного роста, косяя сажень в плечах и плотного телосложения, он славился геркулесовой силой и без труда разгибал и ломал подковы. Кто он, как и когда появился в Петербурге, никто не знал, но среди товарищей его прозвище было Макарка-душегуб. Он иногда на собаках или кошках показывал опыты вскрытия живота и черепа и проделывал это с такою ловкостью и искусством, что мог бы поспорить с любым профессором-хирургом. Он сам хвастался, что может в тридцать секунд зарезать и вынуть внутренности у самого большого быка.

— А что, Макарка, много ты на своем веку загубил душ? — спрашивали его иногда товарищи.

Макарка искривит рот, посмотрит пристально на спрашивающего — и у того самого поджилки затрясутся:

— Ты мне товару не поставлял, так нечего тебе и спрашивать.

«Товаром» на их жаргоне назывались жертвы.

— А все-таки?

— А вот пойдем за Обводный канал, я тебе «панораму» покажу.

— Спасибо.

— Рук только марать не стоит! Разве ты «душа»?! Ха-ха...

Обитатели полторацкого флигеля боялись и не любили Макарку, но никто не смел этого обнаружить. Макарка требовал полного себе повиновения и известного почтения. Если иногда кто-нибудь проявлял непослушание, то стоило Макарке искривить рот и уставить глаза, как непокорный превращался сейчас же в овечку и беспрекословно исполнял приказания Макарки.

Так прожил Макарка в своем углу около года, никогда не бывая дома днем и редко ночью. Где он проводил время и чем занимался — никто не знал, хотя, разумеется, не работой, потому что у него и паспорта вовсе не было, так что, если бы он и хотел наняться куда-нибудь, то не мог.

Не один раз Макарка приходил весь в крови, обмывал руки, застирывал пятна на белье, чистил сапоги и затем опять уходил. Никто не думал его спросить, чья это кровь и чью душу он опять загубил.

Во всем полторацком флигеле был только один человек, осмеливавшийся иногда противоречить Макарке и уличать его в нехороших делах. Это была Алёнка-поденщица, красивая женщина, лет двадцати пяти, но горькая пьяница, зарабатывавшая себе хлеб поденной работой, стирая белье в разных домах. Алёнка сошлась с Макаркою вскоре после его появления в полторацком флигеле и перешла жить в соседний с ним угол, но, несмотря на любовь, они часто ссорились, и Алёнка говорила своему приятелю в глаза такие вещи, что посторонним становилось за нее страшно.

Однажды — это было в начале осени — Алёнка вернулась позже обыкновенного. Она стирала белье у богатого купца Смирнова и хотела кончить стирку. Купец Смирнов занимал небольшую квартиру при своей лавке. Сам он уехал в деревню, так что в квартире оставалась только жена с грудным ребенком и подручный мальчик; приказчик жил отдельно. Макарка очень заинтересовался этой семьей и все расспрашивал Алёнку о подробностях.

— Да что это, не собрался ли к ним с визитом? — испугалась Алёнка.

— Собрался и через час буду у них! — На слове «буду» он сделал такое ударение, что соседи вздрогнули.

— А я тебя не пущу! Слышишь, не пущу! Полиции донесу!

Макарка усмехнулся, ничего не ответил и, взяв с печки свой картуз, вышел.

Купец Смирнов и его лавка занимали нижний этаж большого каменного дома. Окна выходили в глухой переулок. Когда Макарка подошел к дому, все нижние окна были темны и только в одном отсвечивала лампада, горевшая у образов. Макарка несколько раз прошелся по тротуару и внимательно осмотрел все рамы, форточки и задвижки. Наконец, он остановился на окне, соседнем с дверью. Опытной рукой,

вооруженной долотом, он открыл форточку и пошел по переулку удостовериться, нет ли где бодрствующего стража в лице городского или дворника. Все было тихо, темень непроглядная и сон в это время самый крепкий. Осторожно Макарка открыл форточку, отодвинул задвижки окна и легко влез в окно, после чего плотно его прикрыл. Очутившись в лавке, Макарка стал внимательно присматриваться. В темноте он рассмотрел шкафы, прилавок. Всматриваясь ближе, он увидел на полу спавшего подручного мальчика. Дверь из лавки в квартиру была приотворена. Макарка на цыпочках вошел в небольшую чистенькую гостиную, из которой была настежь открыта дверь в спальню. На широкой двухспальной кровати спала молодая женщина, которую крепко обнял грудной ребенок. С минуту Макарка любовался ими. Лицо его нахмурилось, и какие-то воспоминания роились в голове. Затем губы искривились, появилась та ужасная усмешка, которая пугала даже его сотоварищей. Он ощупал за пазухой большой финский нож, на цыпочках подошел к кровати. При слабом мерцании лампадного огонька сверкнуло лезвие ножа. Два паса, и голова молодой женщины почти отделилась от туловища. Кровь потоком полилась на ребенка, который проснулся и заплакал. Макарка нетерпеливо схватил малютку за ножки и, размахнувшись в воздухе, разможил головку о стену. Ни крика, ни стона — только один глухой удар, похожий на падение чего-то на пол. Оставался еще подручный мальчик, спавший в лавке. Совершенно спокойно Макарка пошел обратно в лавку. Он нагнулся над спавшим. Мальчик лежал на боку. Макарка опустил левую руку ему на голову и правой нанес удар в шею. Лезвие ножа вошло по самую рукоятку. Никакого звука.

Отерев нож об одеяло, Макарка спрятал его за пазуху и пошел к вырубке. Он был в игривом настроении. Как профессионал своего дела, он был доволен полным успехом. Никакой ошибки, фальши или промаха. Все как по нотам. Собрав вырубку, он пошел искать в столах, шкафах. Взгляд его упал на кивот с лампадой, из-за которого торчал угол белой бумаги. Достав бумагу и развернув ее, он увидел целую пачку акций, билетов и крупных кредиток.

Он даже щелкнул языком от удовольствия.

— Bravo! Вот это я понимаю. По крайней мере, не даром работал. Не дурно!..

Уложив деньги в карманы, он тем же ходом вышел в окно и быстрыми шагами направился домой.

Был третий час утра, когда он подошел к Вяземской лавре. Дежурный дворник спал у ворот. Он перешагнул его и скрылся в воротах.

— Макарка, ты? — окликнула его Алёнка, когда он начал возиться в своем углу.

— Я.

— Где был?

— Не твое дело!..

— Скажи! Неужели ходил к Смирновым?

— Молчи, я тебе говорю!

— Ты горло не дери, я не из пугливых! Отвечай, когда у тебя спрашивают!

— Ну, у Смирновых, а тебе какое дело?

— Врешь! — почти вскрикнула она и приподнялась на постели.

— Шучу, шучу, так просто погулял.

— Ну, то-то. Я даже испугалась!

Через несколько минут водворилась тишина. Все спали. В комнате ночевало, кроме восьми постоянных угловых жильцов, еще человек пятнадцать ночлежников, так что дышать приходилось не воздухом, а одними испарениями. Однако обитатели беззаконной квартиры спали богатырским сном, не замечая даже мириадом всех пород насекомых, двигавшихся по полу и по стенам целыми полчищами.

Не спалось только Алёнке. Ей было жутко за Смирновых, и она боялась, не был ли Макарка у них. Неужели?! Воображение рисовало ей одну картину за другой, и одну другой ужаснее. Спрашивать его не стоило. Все равно не скажет. Не дождавшись рассвета, Алёнка тихонько встала, оделась и неслышно вышла из квартиры. Бегом пустилась она к Обводному каналу и скоро достигла знакомого переуллка. Вот и лавка. Все тихо. Темно. Она разбудила дворника. Тот знал ее.

— Чего в рань такую?

— Пора прачечную топить.

Она начала стучать в заднее окно. Ответа нет. Стучала громче, еще громче.

— Чего барабанишь? Окна перебьешь, — огрызнулся дворник.

— Голубчик, Степан, посмотри, чего они не открывают.

— Спят, стало быть.

— Да Петрушка-то не спит крепко. Он открыл бы.

Они стали стучать вместе. Ответа не было. Обошли кругом с улицы.

— Степан! Голубчик, — закричала Алёнка, — смотри-ка, окно отворено!

— И впрямь открыто! Ох, ты напасть! Верно грех какой-нибудь! Надо полиции дать знать.

Дворник побежал к местному околоточному надзирателю. Через четверть часа собрались понятые, городской с поста. Решили ломать двери. На Алёнке лица не было. Она предчувствовала роковую истину. Когда двери были открыты и присутствовавшие увидели страшную картину, Алёна закричала:

— Он, он подлец! Это он их перерезал, Макарка-душегуб проклятый! Я вам выдам его головой! Пойдемте со мной скорее, скорее.

Все смотрели на Алёнку подозрительно, недоверчиво.

— Или она с ума спятила, или... это дело не миновало ее рук. Верно, кто-нибудь из ее приятелей!

Идти всем было нельзя. Сообщили сыскной полиции, прокурору. А Алёнка все повторяла:

— Пойдемте, пойдемте скорей, а то он исчезнет.

Только через час с ней отрядили двух сыщиков, околоточного и нескольких городских.

— Скорее, скорее, — торопила Алёнка. Ее глаза горели, щеки пылали, весь хмель из головы улетучился.

Уже начинало светать, когда они подошли к Вяземской лавре. Дежурный дворник побежал за другими товарищами, и облава целой толпой направилась к полторацкому флигелю.

— Вот, вот он, ловите, хватайте! — закричала Алёнка.

У дверей флигеля стоял Макарка, совсем готовый уходить. Он, вероятно, и уходил уже, но не успел миновать ворот. Все бросились к нему, но Макарка скрылся позади во флигеле.

Флигель окружили, расставили дежурных и начали самый тщательный, подробный осмотр. Обошли все квартиры, коридоры, углы, чердаки и подвалы — нигде нет! Точно провалился или обратился в невидимку. Бились до самого вечера, перерывали все вещи, выворачивали чуланы, обходили по нескольку раз одни и те же углы — ничего.

- Куда же мог он деваться? Ведь он вернулся во флигель!
- Вернулся! Все видели. А найти невозможно.

Приехало еще несколько высших полицейских чинов, прокурор. Все пожимали плечами, советовали еще поискать, искали сами, но результатов никаких. Макарка бесследно исчез.

Больше всех беспокоилась Алёнка.

— Если вы его не найдете, то возьмите меня под арест, — просила она.

— Почему? Разве вы принимали участие в убийстве?

— Боже, сохрани! Но мне нельзя остаться на свободе: он убьет меня!

— Пустяки! Не убьет, а мы арестовать вас не можем... Против вас нет никаких подозрений и улик.

— Да это все равно. Ведь я сама вас прошу!

— Никак нельзя.

Алёнка махнула рукой. Вечером хотели прекратить облаву во флигеле и начать розыски общим порядком.

— Верно, это вовсе не он был. Алёнка издала могла ошибиться.

— Вероятно, так и есть! Напрасно день потеряли!

— Господа, поищите еще, — умоляла Алёнка, — он наверняка здесь! Ищите хорошенько!

— Нет, уж довольно!

«Осада» с полторацкого флигеля была снята.

Алёнка с замиранием сердца пошла в свой угол и прилегла на свою койку. Каков же был ее ужас, когда она над самым ухом услышала голос Макарки:

— Что, взяла? Предала? Помни, ты заплатишь мне головой за этот донос!

Алёнка что-то сказала в свое оправдание и оглянулась. Никого не было. Что это? Не привидение ли? Нет, его голос.

Опять все стихло в квартире. Наступила ночь. Алёнка сначала не спала, но потом утомление взяло верх, и она уснула.

На следующее утро Алёнку нашли в своей постели с... перерезанным горлом. Кто и когда совершил это новое преступление — неизвестно, хотя в сильном подозрении остался тот же мифический Макарка-душегуб.

Но где его искать, когда никто не знает даже его настоящего имени.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

«Красный кабачок»

У одной из городских застав только что открылся хорошенький и чистенький трактирчик средней руки, с уютными кабинетами и двумя половинами: купеческой и черной. Хозяин заведения, названного «Красный кабачок», петербургский второй гильдии купец Иван Степанович Куликов, солидный человек, лет сорока, с окладистой русской бородой. Он устроил помпезное открытие, пригласил всех окрестных торговцев, заводчиков, фабрикантов, домовладельцев и устроил угощение на славу. Почти все «именитые граждане» околотка откликнулись на приглашение и пожаловали самолично или прислали Ивану Степановичу хлеб-соль на новоселье, с пожеланием всего лучшего. По распоряжению хозяина, на черной половине всем рабочим и простолюдинам подавали бесплатно по большому стакану водки и куску кулебяки. Обед для приглашенных был из шести блюд и представлял изобилие всевозможных вин, не исключая ликеров и шампанского.

С утра и до позднего вечера пировали дорогие гости. Иван Степанович зарекомендовал себя таким радушным, хлебосольным и гостеприимным хозяином, что многие коммерсанты просили его бывать у них и выразили искреннее желание познакомиться с ним поближе.

На следующий день «Красный кабачок» открылся для публики и стал торговать очень бойко. Хороший оркестр, свежая, лучшая провизия, недорогие цены, а главное, новенькая, приличная обстановка собирали постоянно массу посетителей, и «Красный кабачок» отбил торговлю у всех соседних трактиров. Иван Степанович поставил за буфет ответственного приказчика, но сам первое время почти постоянно находился тут же. Он знакомился с каждым посетителем, беседовал, расспрашивал, интересовался всем и охотно выпивал по рюмочке с каждым гостем своего заведения. Неудивительно, что Иван Степанович очень скоро сделался популярен и приобрел об-

ширнейшие знакомства. Особенно близко он сошелся с местным кожевенным фабрикантом Петуховым, почтенным, белым, как лунь, стариком-раскольником. У Петухова было огромное состояние и единственная дочь Ганя, которой минуло 22 года. Несмотря на многочисленность женихов, Ганя не спешила выходить замуж.

Куликов сделался большим приятелем старика Петухова. Они часто просиживали целые вечера или в «Красном кабачке», или в конторе завода. Разговор носил чаще всего оживленный характер.

— Что за народ нынче стал! Пьяницы, гуляки. Хорошего работника днем с огнем не сыщешь. Никто работать не хочет!

— И не говорите, Иван Степанович, вон у меня на заводе мальчишки тринадцати-четырнадцати лет уже пьянствуют и путаются! Верите ли, ни одного мастера сносного нет: или пьяница горький, или не умеет ничего, лентяй, тупица. По неволе приходится иностранцев брать.

— Ваши единоверцы-беспоповцы много порядочнее, трудолюбивее!

— Ох, и наши начинают портиться, забывать советы стариков. Посмотрите на нашу молодежь: пиджаки носят, сигарки курят, в клубы ходят.

— А все-таки по старой вере лучше!

— Да лучше-то оно лучше, а все прежде не то было!

— Вот, к примеру, ваша дочь, Ганя. Разве много таких скромных, трудолюбивых, нравственных девушек?

— Да, моя Ганя неиспорченная девушка.

— Вы думаете, отчего я холостым остался? Все не мог найти подходящую невесту.

— Трудно, трудно. А вы давно в купечестве состоите?

— В петербургском — первый год. Раньше я в Орловской губернии подрядами занимался.

— Т-а-а-к. Что же это вы надумали сюда приехать, трактир открывать?

— Да ведь что-нибудь надо же делать. Говорили — это дело прибыльное.

— Было, а теперь нет. Теперь в Петербурге все в упадке, все сбито, вот и наше дело упало.

— И странно. Отчего это? Кажется, причин нет.

— Причина все та же: людей нет, люди избалованы, мазуриков развелось множество, а людей с трудом, знанием — нетути!

Ну, что ж поделаешь? Коли вон с двенадцати-тринадцати лет парни уже от рук отбиваются, так чего же вы хотите?!

— Ваша речь справедлива. Только я вам доложу, и у нас в Орловской губернии не лучше.

— Что ж делать! Может быть! Как-нибудь тянуться надо.

— Именно тянуться... Не жить, а тянуться!..

— Нынче вот, кто успел в былые годы скопить — тот и капитал имеет, а не сумел — теперь уже не наживешь! Дай бог только концы с концами свести.

— Справедливо... Ну, я, благодаря бога, малую толику имею.

— Да ведь и я не жалуюсь... Так, к примеру говорится...

Иногда Петухов советовался с Куликовым.

— Как вы полагаете, Иван Степанович, насчет этой самой куверции.

— То есть какой «куверции»?

— Да вот что пропечатано от банка... У меня, видите ли, серий пятипроцентных тысяч на сорок будет, а теперь предлагает банк или деньги получи обратно, или прими четыре процента. Это говорят «куверция» пришла, теперь все ведь по-новому. На людей флюенция, а на капиталы куверция. Со всем туго...

— Да, ведь вам придется взять четыре процента, а то после эту четырехпроцентную будете у меня покупать, дороже заплатите...

— Расчет ведь, Иван Степанович, пятую часть дохода терять приходится!

— Говорят, вон скоро три процента будут давать! Денег много.

И старик Петухов, кряхтя и сетуя, собирался делать «куверцию».

В числе других посетителей Куликова, с которыми он сошелся ближе, был богатый лавочник Коркин, женившийся на вдове с приданным сто тысяч. Коркин был одних лет с Куликовым, но веселый и добродушный малый, отrostивший на воле солидное брюшко. Он был не промах выпить и даже кутнуть, но вообще пил мало, и дома у него водка и вино имелись только для гостей. Куликов редкий день с ним не видался.

— О, дружище, — встречал его Коркин, — ну как твой кабачок, поди, на славу торгуешь.

— Ничего, жаловаться грех, да ведь, поди, и вы на хлебце насущном не без убытка... Хе-хе-хе...

— Ну, наш барыш не вашему чета! Мы рупь на рупь не берем!..

— Где вам рупь на рупь! Вы, если копеечку на копеечку наживете, вам и довольно... Хе-хе-хе....

— Ишь, ты острый какой! Ладно, давай графинчик.

— А закусить что?

— Сам выбирай, только проворней, а то моя благоверная распеканцию мне задаст, коли долгое время домой не вернусь.

— Ваша Елена Никитишна — ангел, а не женщина! Таких женщин поискать днем с огнем!

— А все ж разрешения от нее нет по кабакам таскаться.

— Извините, у меня не кабак. а ресторан. Во как!

— Ну, наливайте, Иван Степанович.

— Тороплюсь, тороплюсь!

— За здоровье вашей супруги!

— Спасибо. Да что ты хоть бы зашел к нам как-нибудь.

Стуколку устроим.

— С полным удовольствием! Хоть сегодня!

— Заходи сегодня. Кое-кто навернется, а не хватит для стуколки — пошлем за соседом другим. Далеко ли тут! Все равно что в деревне.

— А правда! Совсем большое село! У нас в Мышкинском уезде есть, пожалуй, и побольше торговые села. Вы не бывали у нас?

— Да что вы то тыкаете, то выкаете. Давайте выпьем на брудершафт.

— Выпьем.

— Вот так! Ну теперь поцелуемся! Важно! А теперь продолжай. Что ты спрашивал?

— А я и забыл уж! Ну ладно в другой раз. Наливай, наливай, бежать надо.

— Успеешь, еще графинчик раздавим.

— Довольно! Тяжело будет!

— Не свалишься! Не ребенок!

И Коркин выходил из трактира Куликова обыкновенно налижавшись до чертиков.

Куликов совершенно отделил черную половину своего трактира и поставил там отдельно буфетчика, которому дал широкие полномочия и обещал вовсе не заглядывать к нему,

если только он будет приносить хороший доход. Куликова предупреждали, что он берет в буфетчики человека с плохой репутацией, который якшается с ворами, но Куликов хладнокровно отвечал:

— А мне какое дело? Он и отвечать будет, если попадет-ся. Зато у меня торговля удвоится. Без воров и мазуриков черные половины трактиров, да еще на окраинах, не могут существовать.

Очевидно, Куликов хорошо знал свое дело, потому что расчет его оказался верным. В короткое время его черная половина сделалась центром всех громил окрестностей заставы и притом разных бродяг и рецидивистов, скрывающихся за городской заставой. Мало того, здесь образовалась биржа ворованных вещей, так что в определенные дни и часы сюда съезжались маклаки с нескольких рынков. Бриллиантовый перстень, брошь с алмазами, гайка от колеса, ручка от дверей, кострюля, мокрое белье, серебряные ложки — все это продавалось вместе одним владельцем, и никто не спрашивал этого владельца, где и как он приобрел все эти вещи. Способ приобретения вещей был виден уже из того, что продавец отдавал свой товар прямо за предложенную цену, хотя бы эта цена была, например, двугривенный за серебряную ложку или полтинник за кольцо с бриллиантом. Нечто похожее на настоящую цену дают продавцам только в том случае, когда между маклаками не достигнуто почему-нибудь «соглашение» на условиях «вязки». Однако маклаки не жалеют угощения, и в дни закупок ими «слепого товара» в трактире Куликова происходило море разливанное. Перепивались все, и продававшие, и непродававшие перепивались до того, что многие сваливались на пол и тут же мертвецки спали до утра. Буфетчик Куликова не стеснялся в таких случаях обсчитывать и приписывать, елико возможно, и маклаки платили без проверки счета.

— Как нам проверять? Ведь и он участие принимал не последнее! У него часто хранятся ворованные вещи, он случается посредником между ворами и маклаками. Вообще буфетчик не оставляет желать лучшего.

— Смотри, Иван Степаныч, неладное у тебя творится на черной половине, — говорил несколько раз Коркин.

— Ни-че-го, — махал он рукой, — поверь, все грязные трактиры делают то же самое. Без участия постоянных дворов, чайных, кабаков и черных половин трактиров не существовало